

ХРИСТИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЗЕМНЫХ И НЕБЕСНЫХ ФАКТОРОВ

С. И. Сулимов

Воронежский государственный университет

В. Д. Черных

Воронежский государственный университет инженерных технологий

Поступила в редакцию 15 декабря 2023 г.

Аннотация: данная работа посвящена рассмотрению взглядов на земной исторической процесс таких ранних христианских мыслителей, как Евсевий Кесарийский, Августин Гиппонский и Нестор Печерский. Первый из них реабилитировал земную историю, предположив, что Медиоланский эдикт (313 г.) имеет сакральное значение, второй доказал, что каждый христианин является деятельным субъектом земной истории и поэтому не может игнорировать ее события, а третий предположил, что каждое человеческое действие вызывает реакцию Бога и, тем самым, оказывает не только земное, но и небесное влияние на исторический процесс.

Ключевые слова: христианство, исторический процесс, сакральные события, предопределение.

Abstract: this work is devoted to the consideration of the views on the earthly historical process of such early Christian thinkers as Eusebius of Caesarea, Augustine of Hippo and Nestor of Pechersk. The first of them rehabilitated earthly history, suggesting that the Mediolan Edict (313) has a sacred meaning, the second proved that every Christian is an active subject of earthly history and therefore cannot ignore its events, and the third suggested that every human action causes a reaction from God and, thereby, has not only earthly, but also the heavenly influence on the historical process.

Key words: Christianity, historical process, sacred events, predestination.

Центральной категорией христианской картины мира является трансцендентный Бог. Поэтому земной мир и живущее земной жизнью человеческое общество не могут претендовать на пристальное внимание данной религии, ведь человечество и природа являются Божьими творениями и поэтому вторичны по отношению к Богу. Для христианской этики важнейшей задачей человека является угождение Богу, выполнение Его заветов, а в дальнейшем – соединение с Богом после смерти, даже если все это не гармонирует с принятыми в земной жизни правилами поведения. Казалось бы, события, происходящие в общественной жизни и касающиеся преимущественно земных целей (например, политических) не должны интересовать христиан, и никаких представлений о земной истории в христианской мысли быть не может. Однако, как показывает историческая практика, христианство играло и продолжает играть немалую роль в жизни общества, а в Средние века Церковь являлась могущественным субъектом исторического развития в странах Западной Европы, в Восточной Римской империи и на Руси. С одной стороны, христианство

делает акцент на отношениях человека с Богом, находящимся вне мира и не живущим по земным правилам, но, с другой стороны, община верующих, руководствующаяся христианскими принципами, принимает деятельное участие в земной истории. Как возможно данное противоречие и что является его причиной? В данной работе мы предпримем попытку ответить на эти вопросы.

Для первых христиан, заставших проповедь и Вознесение Иисуса Христа, земная история казалась фактически завершена обещанием второго Пришествия. Период сакральной истории, охватывающий земную жизнь человечества от изгнания Адама и Евы из Рая до пришествия Мессии, окончился. Однако возвращение мессии задерживалось, земная история продолжалась, и в течение ее происходили различные события, так или иначе затрагивавшие жизнь верующих. Например, из различных христианских общин, разбросанных по территории Римской империи, сформировалась Церковь, время от времени имперские власти подвергали христиан гонениям, возникали различные ереси, с которыми церковные писатели вели полемику. И верующим становилось ясно, что между первым и вторым Пришествием, возможно,

будет пролегал еще один исторический период, события которого не менее важны, чем знамения Ветхого Завета. Правда, никто не думал, что эта эпоха окажется хронологически длинной: ведь все, что людям нужно было знать для небесного спасения, им уже стало известно от Иисуса Христа. Поэтому благодаря единой временной линии от Откровений Ветхого Завета через первое Пришествие ко второму Пришествию сложилось линейное понимание истории, в котором события не дублируют, а дополняют друг друга. Однако точное прогнозирование истории ранние христиане вряд ли считали возможным, потому что самым важным историческим фактором является Бог, и Он не раскрывает людям своих планов. В частности, точные сроки окончания земной истории Спаситель называть не стал, ограничившись метафорой: «Не придет Царство Божие приметным образом, и не скажут: «Вот, оно здесь» или: «Вот там». Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть». Сказал также ученикам: «Придут дни, когда пожелаете видеть хоть один из дней Сына Человеческого и не увидите; и скажут вам: «Вот здесь» или: «Вот там», – не ходите и не гоняйтесь» (Лк. 20-23). Таким образом, эсхатологические ожидания ранних христиан стали притупляться по мере накопления событий в земном прошлом Церкви (понимаемой, как община верующих). Отечественный исследователь И. В. Кривушин удачно заметил: «С каждым годом Церковь приобретала все более протяженное во времени и все более событийно разнообразное прошлое как продолжение истории Христа» [1, с. 56]. То есть с каждым проходящим от Вознесения годом Церковь наживала все более длинную собственную земную историю, события которой нельзя было считать маловажными. Например, прославление того или иного святого или возникновение и опровержение очередной ереси касались сакрального плана и не могли восприниматься как нечто постороннее, связанное только с «безбожным» земным миром.

Христиане первых веков относились к земной политической истории отстраненно, не пытаясь участвовать в ней и ожидая второе Пришествие буквально со дня на день. Для них не имела значения политическая жизнь Римской империи, если только императоры не подвергали Церковь преследованиям. Но выполнение по отношению к ближним и дальним правил евангельской этики принуждало верующих реагировать на происходящие в обществе события. Например, во время корсарского набега германцев на имперские провинции в Малой Азии, случившегося в III в., епископ города Неокесария по имени Григорий отлучил от Церкви тех христиан, которые оказывали варварам какое-либо содействие [2, с. 95]. Но такая общая угроза, нависшая над Церковью и государством, все же не заставила верующих счесть языче-

скую империю субъектом отношений человека с Богом. Фигурально выражаясь, Римская империя и ее правители не имели аналогов на небесах и поэтому не воспринимались христианами всерьез. Даже в годы наиболее жестоких гонений на Церковь верующие больше думали о мученичестве, чем о политических и правовых причинах преследований. Однако гонения завершились вовсе не гибелью земного мира и не уничтожением Церкви, а общепризнанным триумфом христианства. В 313 г. император Константин I Великий, одолев своего политического оппонента Максенция, приписал эту победу заступничеству христианского Бога и принял Медиоланский эдикт, которым гарантировал христианам свое покровительство.

Медиоланский эдикт можно считать первым событием земной истории, в котором Церковь участвовала как единый субъект. Началось сотрудничество Церкви с государством, а ориентированного на небесные правила христианства – с земным миром. Данное изменение статуса требовало тщательного осмысления, которое с необходимостью должно было очертить места и роли Бога и человека в историческом процессе, с учетом того, что человечество перед лицом Божиим неоднородно, и язычники. Вчера бывшие врагами христианства, сегодня могут изменить свою позицию и превратиться в пресвитеров.

Осмысление места и роли Церкви в земной истории стало центральной проблемой исследований Кесарийского епископа Евсевия (270–339). В своей работе «Церковная история» владыка попытался совместить небесные и земные события, наложив их на единую временную шкалу. Именно он является создателем хронологии, делящей время на периоды до и после Р.Х. (до и после н.э.). Поскольку светская римская историография считала годы от основания Рима, то Кесарийскому епископу приходилось прибегать к двойной датировке, совмещая даты до Р.Х. с датами от основания Рима и приурочивая годы рукоположения церковных иерархов к датам правления императоров.

Свое внимание христианский писатель акцентирует, разумеется, на истории Церкви, а не римской государственности или ветхозаветной теократии, и поэтому большая часть «Церковной истории» посвящена событиям, случившимся после Р.Х. Очерчивая схему исторического процесса с момента Рождества Христова, Евсевий Кесарийский выделяет в ней три этапа, для каждого из которых характерен особый стиль Божьего присутствия в истории.

На первом историческом этапе, охватывающем I в. н. э., т. е. апостольскую эпоху, вмешательство Божье в земные дела очень интенсивное: Господь помогает ученикам Христа в их проповеди и карает тех, кто этой проповеди мешает. Так, предавший Христа Иуда заканчивает свою жизнь самоубийством,

царь Ирод, обезглавивший Иоанна Крестителя, умирает от мучительной болезни, а иудеи, казнившие Христа и преследовавшие апостолов, испытывают на себе всю тяжесть римской карательной операции. Епископ Евсевий специально делает акцент на том, что разрушение Иерусалима римлянами – не событие земной истории, имеющее земные же причины, а прямой ответ Бога на распятие Христа. Евсевия удивляет не то, что Господь покарал иудеев, а то, что Он медлил с наказанием несколько десятилетий: «Незачем еще рассказывать, что случилось со всем народом после спасительных Страстей и тех воплей, которыми иудейская толпа разбойника и убийцу вызволяла от смерти и умоляла забрать от них Владыку жизни. Справедливо, однако, сказать, о том, как проявило себя человеколюбие Всеблагого Провидения: на целых сорок лет после преступления, учиненного над Христом, отложена была их гибель» [3, с. 102–103]. В то же время апостолы оказываются под прямым Божьим покровительством: Петр спасен из темницы ангелом, а Павел переносит укус змеи без всякого вреда для себя.

Второй этап «Церковной истории» охватывает II–III вв. н.э. и характеризуется почти полным отсутствием Божьего вмешательства в человеческие дела. В данном периоде происходит становление церковной организации, организуется преемственность епископов, начинается творчество церковных писателей и, к сожалению, одновременно с зарождением христианской публицистики появляются и первые ереси. Божье вмешательство напрямую касается лишь мучеников и тех епископов, которые противостоят еретикам. Государство в это время существует как бы вне истории: епископ Евсевий не интересуется ни реформами, ни военными кампаниями императоров, упоминая лишь тех монархов, кто отличился особой нетерпимостью к христианам.

Третий исторический этап охватывает рубеж III–IV вв., т. е. гонения на христиан, предпринятые императором Диоклетианом, и воцарение императора Константина, провозгласившего в государстве веротерпимость и открыто покровительствовавшего Церкви. Божье присутствие в истории на данном этапе усиливается настолько, что Бог буквально Сам ведет мучеников к венцу и поддерживает Константина в его победоносном сражении с политическим оппонентом (312 г.). Более того, Константин не только побеждает своего противника, принца-язычника Максенция, но и благодаря знамени узнает, Кому он обязан этой победой. По мнению Евсевия Кесарийского, именно благодарность Богу, а не только политический расчет побуждает государя провозгласить Медиоланский эдикт (313 г.).

Епископ Евсевий был одним из первых церковных авторов, которые предположили, что установление в

империи христианства (а значит, возникновение христианской государственности) отодвигает перспективу второго Пришествия на неопределенный срок. Земная история не только не близится к своему финалу, но и обретает новые, неведомые прежде контуры. Христианизация Римской империи при Константине I Великом казалась Кесарийскому иерарху событием небесного, сакрального плана, совпавшим с рядом земных факторов, которые непроизвольно послужили небесной цели. Без Божьего вмешательства Константин вряд ли одержал бы победу над своим противником и точно не стал бы императором. Венценосный покровитель христиан даже сам признавал этот факт, в письме другу так характеризуя плохо известного ему христианского Бога: «Этот Бог наказывает строго тех, кто оскорбляет его культ, и осыпает благодеяниями тех, кто ему служит» [4, с. 33–34]. Если учесть, что император до сражения у Мульвиева моста не интересовался христианством, и что его противник был убежденным язычником, обращение Константина для современников выглядели как результат прямого Божьего вмешательства, а не следствие политического расчета или миссионерской проповеди одного из епископов. Ведь по приведенным нами строкам личного письма видно, что Константин оценивает почти незнакомого Бога по Его делам, а не по тому, что говорят об этом Боге Его приверженцы. Таким образом, Бог создавал христианскую империю не в меньшей степени, чем это делали люди, руководствовавшиеся как своей верой, так и своекорыстными мотивами. И вот, христианское государство, охватывающее почти весь известный грекам и римлянам мир, создано. Что же последует дальше? Каким будет новый, не приходивший в голову современникам Иисуса Христа исторический этап? Этому епископ Евсевий не знал, но полагал, что Господь не для того обратил в истинную веру большую часть цивилизованного мира, чтобы в скором времени подвести под мировой историей черту второго Пришествия. В частности, епископ Кесарийский предполагал, что, возможно, христианизированная империя станет эффективным орудием исправления человека и даже приведет к установлению Божьего царства на земле посредством обращения в христианство римского монарха и осуществляемой им политики.

Однако реальность внесла свои коррективы в идиллическую концепцию владыки Евсевия. События IV в. н.э., последовавшие за христианизацией Римской империи, мало чем качественно отличались происшествий от предыдущих эпох. Так, случилась короткая, но яркая языческая реакция при императоре Юлиане, распад империи на два государства, расцвет арианской ереси при константинопольском дворе, а главное – фатальное и необратимое вторже-

ние варваров, в кратчайшие сроки приведшее античную государственность к тотальной деградации. Поэтому если живший в начале IV столетия епископ Кесарии мог питать надежды на фундаментальное преобразование императором-христианином политической жизни в евангельском духе, то живший и писавший в первой половине V в. Гиппонский епископ Августин Блаженный (354–430) таких иллюзий уже не имел.

Августин Гиппонский соглашался с Евсевием в том, что земная история началась с момента грехопадения и изгнания Адама и Евы из рая. Оказавшись в земной реальности, человечество начало стремительно деградировать в нравственном отношении, и ни один человек не смог бы вернуться в рай, если бы Бог не вмешивался в события земной истории и не направлял людей. Однако далеко не все люди испытывают интерес к Богу или крестной жертве Иисуса Христа. В то время как для верующих первое Пришествие – судьбоносное события, для неверующих оно вообще ничего не значит. Поэтому с момента Вознесения существуют как бы два человечества, каждое из которых живет собственными интересами и целями. Епископ Августин условно называет эти два различающихся по отношению к Богу общества городами («градами») – небесным / Божьим и земным. Люди, составляющие земной град, вовсе не обязательно являются злодеями или потакают своим телесным страстям. Среди них вполне могут встречаться и храбрецы, и аскеты, но всех их объединяет безграничный эгоизм: и император, и последний невольник мечтают устроить свою жизнь в соответствии лишь с собственными представлениями о счастье и порядке. Поэтому формой максимального воплощения земного града является империя с претензиями на мировое господство, т. е. зримая попытка создать незыблемый и обязательный для всего мира политический и правовой порядок. Град небесный же, наоборот, не представлен ни одним государством, но разбросан по всем существующим странам, потому что состоит из людей, стремящихся угождать Богу даже наперекор собственным желаниям и представлениям о благе [5, с. 3]. По мнению Августина, земной град живет вне подлинной истории потому, что, невзирая на обилие ярких событий, он не имеет связи с небесной реальностью и поэтому обречен на повторение одних и тех же земных политических циклов, завершение которых для каждого отдельного человека является попадание в ад. В земном обществе, предоставленном самому себе (т. е. лишенном Божьего руководства) не может возникнуть ничего качественно нового, потому что мотивы павшего человечества всегда одни и те же. В частности, епископ Гиппонский отмечает, что Римская империя имела исторических предшественников в лице восточных

царств, и все они имели одинаковый исторически финал.

И, наоборот, град небесный потому и не сосредоточен в каком-то одном государстве, что подлинное отечество христиан находится на небесах. Именно для таких верующих и происходят события сакральной истории, их ждут Божий суд и рай. Однако в своей земной жизни каждый христианин имеет семейные, гражданские и государственные обязанности, которые обязательно должен выполнять, руководствуясь любовью к Богу и ближним. В частности, Августин Блаженный полагает, что христиане могут и должны занимать начальственные должности и управлять вверенными им людьми, руководствуясь заботой о ближнем: «Управляют те, которые заботятся, как-то: муж – женою, родители – детьми, господа – рабами. Повинуются же те, о которых заботятся, как то: жены – мужьям, дети – родителям рабы – господам. Но в доме праведного, живущего ероу и находящегося еще в странническом удалении от одного небесного града, и управляющие служат тем, кем, по-видимому, управляют. Ибо управляют они не из желания господствовать, а по обязанности заботиться, и не из гордого своего начальственного положения, а из сострадающей предусмотрительности» [5, с. 347].

Таким образом, «град земной» и «град небесный» постоянно взаимодействуют друг с другом, и христианство оказывается субъектом исторического процесса хотя бы потому, что верующие, кроме всего прочего, являются подданными или даже служащими тех или иных государств. Можно предположить, что если Евсевий Кесарийский сумел объединить сакральные события христианства с политической историей Римской империи и даже наложил их на единую временную шкалу, то Августин Гиппонский, не отрицая взаимодействия двух временных потоков, смог их разграничить, указав пределы, в которых христианство соприкасается с земным миром, и настояв на закономерности этого соприкосновения.

Возникает закономерный вопрос о предопределении, так важном для христианства. Ведь если Бог заранее предопределил такие сакральные события как потом или пришествие Иисуса Христа. То, значит, и второе Пришествие тоже предопределено. Не все ли равно, какие события будут происходить в земной истории и какую роль в них сыграют христиане, если главные небесные даты и события уже намечены, и отразятся в земной жизни в надлежащий, не человеком установленный момент? На этот вопрос ответил русский христианский летописец преподобный Нестор Печерский (1056–1114). Работая над своим историческим сочинением «Повесть временных лет», описывающим события, произошедшие до и после крещения Руси, святой с необходимостью должен был

определить, содержалась ли христианизация славян в небесном плане истории и какие качественные последствия для русского общества она имела. Летописец полагал, что крещение Руси было предопределено посещением долины Днепра апостолом Андреем Первозванным [6, с. 12], однако сам факт крещения находился в прямой зависимости от характера и поступков того или иного киевского князя. К примеру, политические, дипломатические и нравственные предпосылки христианизации Руси сложились уже в правление княгини Ольги, но ее сын и наследник, князь Святослав, не заинтересовался этим вопросом, и его безразличие отодвинуло крещение Киева на несколько десятилетий. То же самое можно сказать и о дальнейшей, последовавшей за крещением Руси истории: формальная христианизация не сделала русское общество в одночасье благочестивым и добродетельным. Некоторые князья – такие, как святые Борис и Глеб – усвоили евангельские идеалы и следовали им в своей жизни, но большинство других – таких, как Святополк Окаянный – были христианами лишь по форме, ведя дела столь же беспринципно и жестоко, как и их языческие предки.

Таким образом, преподобный Нестор Печерский, в отличие от Евсевия Кесарийского, избежал соблазна признать христианизацию государства сакральным, трансформирующим земную жизнь событием. В то же время киевский летописец, в отличие от Августина Блаженного, полагает, что между соблюдением людьми небесных правил и событиями земной политической истории существует прочная связь. Ведь Бог интересуется жизнью своих творений и вмешивается в нее, чередуя поощрения и наказания, чтобы сместить внимание людей от земной сиюминутной выгоды к евангельским заповедям. В частности, преподобный Нестор писал, что большинство политических неурядиц, вражеских вторжений и стихийных бедствий изначально не были предопределены, а являются результатом греховного образа жизни земных правителей. И, наоборот, добронравный и благочестивый князь оказывается под Божьим покровительством и, тем самым, приносит своей стране процветание. «Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цезаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь – глава земли» [6, с. 97–98]. Важно отметить, что человеческий нрав и его трансформации святой летописец не считает заранее предопределенными. Например, князь, изначально бывший благочестивым, может со временем стать развратным и жестоким, как и наоборот,

и в обоих случаях последствия случившейся метаморфозы будут результатом человеческой, а не Божьей воли. На конечный итог земной истории – второе Пришествие – действия никакого человека качественного влияния оказать не могут, но благодаря действиям отдельных князей и их подданных дата окончания земной истории, как и вплетенных в нее сакральных событий вполне может варьироваться, находясь в зависимости от нравственной готовности общества к этим событиям.

Важно отметить, что прагматическая целесообразность, так горячо воспеваемая политическими философами XX в., в христианской мысли не имеет самостоятельного статуса и не признается достоинством. Как отмечает современный отечественный исследователь О. Н. Дьяченко, христианство видит мир через призму дуализма добра и зла [7, с. 133], и поэтому решения и поступки человека могут быть лишь греховными или добродетельными, соответствующими Божьему плану или противостоящими ему. Поэтому Евсевий Кесарийский не мог предположить, что христианизация Римской империи была лишь умелой политической комбинацией Константина I, никак не связанной с духовно-нравственным состоянием монарха. Точно также Августин Блаженный и преподобный Нестор не допускали мысли, что политическая деятельность императоров и князей может находиться в одной плоскости, а религиозные убеждения венценосцев – в другой.

Подводя итоги работы, необходимо подчеркнуть поэтапный путь встраивания христианства в процесс земной истории. На раннем этапе своего существования христианство совершенно игнорировало мирские события, сосредоточившись лишь на событиях библейских и ожидая Второго Пришествия, на фоне которого любые политические процессы казались незначительными. Евсевий Кесарийский под влиянием Медиоланского эдикта предположил, что некоторые земные события по своему значению важны не менее сакральных, изложенных в Библии. Августин Блаженный дополнил эту концепцию, отметив, что каждый верующий живет одновременно в двух исторических процессах – земном и небесном – и поэтому является участником обеих историй. С точки зрения Августина, верующий христианин должен не сторониться земных событий, а принимать в них посильное участие, руководствуясь при этом сакральной евангельской этикой. Нестор Печерский предположил, что действия каждого человека (а облеченного властью – в особенности) вызывают со стороны Бога ответную реакцию – в зависимости от характера действия карательную или поощряющую. И, следовательно, каждый христианин вообще и верующий политик в частности попросту обязаны принимать посильное участие в

земной истории, содействуя реализации Божьего предопределения. Именно такой путь христианство проделало от бегства из мира к полноценному участию в мирских событиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб. : Алетейя, 1998. 255 с.

2. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 147 с.

3. *Евсевий Памфил.* Церковная история. СПб. : Амфора, 2005. 491 с.

4. *Буасье Г.* Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV веке. М. : Вече, 2021. 496 с.

5. *Августин Аврелий (Блаженный).* Творения : в 4 т. СПб. : Алетейя, 1998. Т. 4: О граде Божьем. Книги XIV–XXII. 586 с.

6. Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева ; вступ. ст. и прим. О. В. Творогова. Петрозаводск : Карелия, 1991. 191 с.

7. *Дьяченко О. Н.* Личность как религиозно-философский феномен в западноевропейской средневековой философии : монография. М. : Энциклопедия-Максимум, 2023. 400 с.

Воронежский государственный университет

*Сулимов С. И., доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры истории философии и культуры*

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Voronezh State University

*Sulimov S. I., Doctor of Philosophy, Associate Professor
of the Department of History of Philosophy and Culture*

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Воронежский государственный университет инженерных технологий

*Черных В. Д., кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории*

E-mail: cher_vladd@rambler.ru

Voronezh State University of Engineering Technologies

*Chernykh V. D., Candidate of Sci (History), Associate
Professor of Department of Philosophy and History*

E-mail: cher_vladd@rambler.ru